

Список использованных источников

1. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П. А. Дмитриева / М. Ю. Котова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. – 360 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/080d.html>. – Дата доступа : 02.09.2021.
3. Перцов, Н. В. Инварианты в русском словоизменении / Н. В. Перцов. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 279 с.
4. Котова, М. Ю. Тетради паремииографа. Выпуск 5: Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремииологического минимума : учебно-методическое пособие для студентов / М. Ю. Котова, Н. Е. Боева. – СПб. : Изд-во «ВВМ», 2019. – 304 с.
5. Сергиенко, О. С. Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц : монография / О. С. Сергиенко. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2015. – 296 с.
6. Мушинская, В. В. Украинские пословичные параллели в электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц / В. В. Мушинская // Русский язык и литература в славянском мире: История и современность : материалы Международной научно-практической конференции в онлайн-формате. – М. : Изд-во Московского университета, 2020. – С. 45–51.
7. Мушинская, В. В. Украинские пословицы с зоонимами в электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц / В. В. Мушинская // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : материалы IV Международной научно-практической конференции (13 октября 2020 г., г. Орел). – Орел : ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020. – С. 345–350.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00105/21.

Abstract. The study is devoted to the process of choosing a proverbial invariant among the Ukrainian parallels of Russian proverbs included in the “Electronic dictionary of current East Slavonic proverbs”, on which a team of authors headed by prof. M. Yu. Kotova is currently working on. In our study, the invariant of a proverb is understood as the form of a proverb, which occurs the most in the responses of the informants, participants of the paremiological sociolinguistic experiment. Such an experiment with the participation of informants-native speakers of the Ukrainian language meant to identify Ukrainian proverbial parallels to the Russian proverbs has been carried out on the Internet for two years now. The results of the experiment make it possible to determine an invariant for each Ukrainian parallel to a proverb of the Russian paremiological minimum, and also demonstrate proverbial variation at the phonetic, morphological, lexical and syntactic levels.

Keywords: proverb, proverbial parallel, proverbial invariant, Russian language, Ukrainian language, sociolinguistic paremiological experiment, electronic dictionary.

УДК 811.161.3'374:398.9

Г. Г. Нечаева

СЛЯПЫЯ ВЯДЗЬМЕДЗІ І ЗОРКІЯ ВЕРЯБ'І: АРХАЙКА В ТЕРМІНОЛОГІЇ ОРНАМЕНТА ДЕРЕВНИ НЕГЛЮБКИ

Аннотация. Терминология узорного ткачества деревни Неглюбки (юго-восток Беларуси) рассматривается в этнокультурном контексте. Обнаруживается семиотическая связь формы орнаментальных элементов, их полилексемных наименований, образа-архетипа в их основе. В параллелях проявляется единое действие древних культурных кодов невербального характера. Например, актуализируется архаическая семантическая оппозиция слепоты / зрения. Данные представляют богатый ресурс для восстановления локального варианта картины мира.

Ключевые слова: Неглюбка, традиция, терминология орнаментальных элементов, фразеологические единицы, семантическая оппозиция «слепой / зрячий», картина мира.

Этнокультурный аспект, требующий междисциплинарных усилий, относится к числу приоритетных в современных фразеологических исследованиях. Изучение фразеологии локальных народных традиций, особенно в словарях уходящих форм деятельности, – неоценимый фонд для восстановления национальной языковой картины мира.

С 1979 г. Ветковский музей собирает материалы по терминологии орнамента местных традиций узорного ткачества. В 2002 г. мы опубликовали «Алфавит орнаментальных элементов рушников» – 642 названия с иллюстрациями и точными адресами записей [1, с. 74–162]. Затем частично – аналогичный материал по названиям орнаментов народной одежды [2, с. 74–162].

Уникальным по сохранности традиции оказался куст исторически связанных деревень, называемый по оси «Неглюбка – Верещаки». Это деревня Неглюбка Ветковского района Гомельской области с поселками – и родственные в буквальном смысле слова российские деревни порубежья Гомельской и Брянской областей. Этот куст дал 445 наименований орнаментальных фигур. Из них около 170 – полилексемные термины. Чаще всего это словесные комплексы имя+определение, согласованное или несогласованное. Эти пары взаимнообъясняют друг друга, но очень специфически: *вядзьмедзька з веряб'ём – зоркі мядзьведзь* (здесь и далее курсивом – сведения из экспедиционных материалов Ветковского музея) [3]. Вне этнокультурного контекста мотивация объединения лексем необъяснима, но порождает яркий фразеологизм, где внутренняя форма слов-компонентов усиливает свою образную коннотацию. Терминологическое определение «крюковатый ромб с крестом в центре» противостоит местному термину *вядзьмедзька кучарявы зоркі*. Первое стремится к обозначению формы в терминах геометрии. Второе обращается сразу к трём кодам: зооморфному, волос / шерсти; зрения, причем опознает все признаки в той же самой геометрической фигуре.

Анализ семантики названий позволяет объединить термины в тематические группы. Они устроены по типу семантических оппозиций, восходят к архетипу «стихийное / культурное» и к перечню культурных операций [4] с применением архаических невербальных кодов. Таковы: 1) геометрия с разрядами культурного упорядочивания форм: деление – *расколёная глухоўка=расколка, хрясты расколатыя*; соединение (сведение) – *калёсы зводжаныя, лотаціны сушчэленыя*; положение / восстановление – *калодкі / стаўпы*; 2) земледельческий код с разрядами ритуальной геометрии: возделывание, разработка-распахивание – *расцярэба* (при земледельческом местном *расцярэбіць зямлю*); обведение – *хрэшчыкі абводжаныя*; огораживание – *глухая абгарожваная*; засаживание – *сады – балонкі*, обсаживание – *хрэст вінаградам абсожаны*; 3) растительный дикий лесной – *елка кучарявая, жалуддзе з мядзьведзьмі, лісьце з елкай, дубовае лісьце*; 4) растительный культурный с разрядами: огородный – *рэдзька разрязная, рэпа, гурочки*; садовый – *сліўкі з цвятком, рожэ [роза] кучарявая*; 5) антропоморфный – *старцы, красныя барышні*; 6) зооморфный дикий / культурный – *мядзьведзь глухой, мядзьвежае вока, лапка мядзьведзява / казёл заслеплены, валоўе вока, васьмірогая рагатая*; 7) орнитоморфный дикий / культурный – *лебядзіна дарога, зязюліны вочы / петухі веряшчацкія*; 8) код насекомых и гадов – *мітусь-мятлушка, цярэшка [бабочка негл.] абсоджаная, глушкі з мушкамі, павукі з зорачкамі, вашаночки, рачыкі малыя, жабкі, мышыная сцэжка*; 9) астральный – *звёзды кучарявыя, сонца абгароджанае*; 10) дорожный – *богава дарога, жалезныя пуці, цёмная сцэжка, мышыны брадок*; 11) транспортный с разрядами колёсного и водного транспорта – *калёсы па-цёмнаму / чаўны і вуткі*; 12) строительный код – *калодкі зубатыя, гарадкі з цярэшкай, будачкі, цярэкаўкі, калакольня*; 13) предметный, орудийный – *кап'ё-звёзды, сякеркамі абсоджаны, чачатая капейка, чайнічкі-самаварчыкі, чашачкі, каробкі,*

чамаданы; 14) код ритуальной пищи (сырой / вареный / печеный) – *яблакі з какатком, ягадкі, рэпа, рэдзька кучарявая / пячэнне, піражкі, прянікі, праскуркі, галушкі*; 15) код прямого / кривого – *хрясты глухія, хрясты кучарявыя, хрясты расколатыя, стаўпцы і лебядзі / васьмірожкі ў крывульцы, вялікая крывуля, крывуля кучарявая*; 16) код слепоты / зрения – *сляпы верябей, заслеплены казёл / верябей відзяшчы, з вочкам; елка з вочкамі, кароўскія вочы*; 17) код волос (отсутствия / изобилия) – *пляшывы перябор / лапа кучарявая*; 18) код глухого / голоса – *глухая сляная, глухоўка кучарявая, глушкі з мушкамі / званы*; 19) код темноты / света – *калёсы па-цёмнаму, цёмная сцежка, цёмная крывуля / калесе па-беламу, светачы, лампадкі*; 20) код цвета – *елка белая, белая рожса / крывуля красная, вярыбей гаряшчы*. Анализ материала показывает, что коды исторически сменяются, отражая смены предпочтений образов и стилей в ассоциативных наименованиях орнамента. Например, с архаических систем – на активный садовый и цветочный код: *лапа кучарявая* – на *цвецік чачаценькі*; *жалуддзе з медзьведзям* – на *сліўкі з цвятком*; *сонца абгароджанае* – на *любісток* и т. д.

Пласты ассоциаций отражают живую систему номинации. Взаимоотношения материцы с узором сходны с семиотическим отношением к тексту как к личности: *Калі не той узор ставіш – рукама і нагама упіраецца, а не ідзець...* Узор сопоставим с младенцем: *У чалнакі (ромбы в форме челнов – Г. Н.) ткалі калісь – дык я вазьму чалнок, абсаджу – як у люечцы...* Само «орнаментальное поведение» сопоставимо с ритуальным: *Ета як хто скаромнага не есць, так і рушнік яркі (гаряшчы) у пост...* Архетипично «наложение имени» как акт сотворения: *Васьмірогі етыя я звала «качэлі»*. *Чужасельскі ўзор, не знала імя яму, дык я сама накладала...* Особенность этого языка – неперменная семантическая, образная составляющая мотивировки (среди них и темы данного исследования: *вядзьмедзь глухі / сляпы – зоркі вядзьмедзька*).

В части «культурного» могут быть любые термины разных кодов (см. выше). В части первого члена оппозиции – первичный неразработанный элемент, ромб или крест, осознаваемый как начало. И если «в основе всех знаков лежит ромб как символ земли, продленные стороны ромба трактуются обычно как ростки, ромб с крючками – как знак урожая» [5], то в неглюбской орнаментальной традиции культурная разработка, что свойственно для ромбического символа женского начала, применяется и к кресту, этому «ян» дуального устройства славянского и – глубже – индоевропейского геометрического чина орнамента: *Мне так думаецца: таго ж хрясты дзеляюцца, штоб яно ўсё саедзінілася... З хряста ідзе ўся фігурына*. Поразительно свидетельство орнаментального восприятия самих этапов земледелия: *Насеньне прарастае... калі яшчэ няма лісточкаў, то гаварылі, што буракі ў хрэшчыках, яны яшчэ толькі вылазяць, яно яшчэ ў хрэшчыках*. В таком случае далеко не формально объяснение геометризованных растительных орнаментов: *Хрясты – штоб было ў што чапляцца лістам*.

Ромб всегда осознается как женская фигура: *ромбачка, бубка* [6]. Чаще всего в основу названия ромба в Неглюбке и соседних традициях кладется признак «глухого»: *глухоўка, глушка, глушачка, галушачка, глушка абгароджаная, глухоўка кучарявая...* *Глуховачка з верябейкам* (ромб с крестиком внутри), *без верябейкі – цёмная*. В Верхних Красногорского района (Россия) это субстантив *глухая*, он очень выразителен в «культурной разработке». Так, глухой, сплошной ромб – *глухая сляная*. Ромб с отверстием-*вочкам* или с крестиком-*хрэшчыкам / веряб'ём* в середине – *глухая з глазам*. Противопоставление слепоты / глухоты / темноты – и зрения / света архаично [7, с. 185–206]. Его актуализация в живой номинации орнаментальных элементов позволяет входить в древние параметры культурного пространства.

Тема *вока* общеязыковая: любое отверстие, ячея. Однако признак зрения / видимости / внятности образно жив в Неглюбке. Крупный почерк – *Я лупата пишу*. Орнамент и знание, грамотность – «где-то рядом»: *Як ты пишаш буквы, так я – узоры, чысленка к чысленке...* *Вочки* есть у многих фигур неглюбского орнамента. Они

называются *лупатыя / відушчыя / відзяшчыя / зоркія*. Однако уже в их разновидностях выделяются разряды по числу глаз: с одним глазом, с парой глаз – и, по терминологии иконописи, – «многоочитые». Первые – *з вокам, з глазам*, т. е. с одним отверстием (чаще крестообразным) или с крестиком в центре ромба в любых его конфигурациях и применениях. Надо сказать, что антропоморфные фигуры в северно-русских и старообрядческих витебских вышивках, как и в некоторых местных орнаментах самого Ветковского района, имеют такие *зоркія* ромбы в качестве голов. Антропоморфный характер восприятия приобретает при этом и сам чистый геометрический орнамент.

По отношению к теме зрения / узора важен такой простейший элемент, как прямой крестик – *верябей*. Он является тем самым формальным «семенем», которое, наряду с ромбиком, входит в состав множества фигур. Этот знак синтаксически активен, сочетаясь как свободный элемент с любыми элементами орнаментальных систем браного, закладного и переборного ткачества местных традиций. Крестик-*хрэшчык* сохраняет название *верябей* и образует семантическую группу семи разновидностей и названий-полилексем. В семантической паре ‘слепой / зрячий’ находим: *верябей сляпы, заслеплены вярабей, вярабей глухі, вярабей нямы, вярабей пусты, просты вярабей / зоркі вярабейка, відзяшчы вярабей, відушчы (відушчанькі) вярабей, вярабей з вокам*. Причем если характеристика зрячести дает семантические оттенки в лексемах зрения: наличие органа, зоркость, вещь «видущестъ», активное смотрение, присутствие (смотрящий – *відзяшчы*), то в первом стихийном члене пары находим архаический синкретизм и отсутствие всех форм восприятия и органов чувств: *сляпы–глухі–нямы*. Тема слепоты и названия воробьев «слепцами» известна по этнолингвистическим исследованиям, в том числе Полесья, это мера защиты от поедания зерна воробьями в будущем [8, с. 592]. Не могут ли в этой связи быть апотропеическими и название, и форма орнаментального элемента *сляпы вярабей*?

Данные этнолингвистики в сопоставлении с «поведением» орнаментального элемента *верябей* дают еще несколько сходжений. В народной символике, в том числе по данным региона, воробей имеет эротический символизм [8, с. 595]. Возможно, способность внедряться в самые разные фигуры имеет архаическую оплодотворительную семантику. Так, часто изображение «расколотого» ромба (по-неглюбски, *расколка, расцярэба*) и «влетающих» в него крестиков-*вяраб’ёў*: *расколка абсожаная вяраб’ямі*. Сравн. примету, что ловля во сне воробьев – к беременности [8, с. 597]. Эротический мотив – и ловля воробьев решетом. В Неглюбке мотивации не помнят, но рассказывают, как девушки ловили так воробьев *радзі смеха*.

Гроза, огонь, сжигание, подпаливание, печение, помещение воробья в самый центр ритуально печеного животного, ритуальное поедание, разговление, новогодние обычаи, гадания на Святки, связь с мертвыми, роль воплощения душ умерших родственников – все эти данные, накопленные в связи с образом воробья, обращают наше внимание и на архетипические семы в орнаменте и его обозначении. Помещение маленького креста в центр ромбической фигуры противопоставляет ее глухому ромбу, и эта формальная оппозиция системна во всех локальных местных традициях. Она имеет поразительный аналог в молдавском пограбальном коврике-мортуаре, где две ромбические фигуры противопоставлены друг другу по этому же принципу, и второй ромб – пустой, без креста, но с ромбом в центре – символизирует смерть одного из супругов [9, с. 165]. Возможно, в орнаменте актуализируется древняя сема креста как начала всего, как залога жизни и ее животворного зачатия. *Верябей*, по неглюбской терминологии, относится к разряду крестов-*хрэставога*: *хрястоў, хрэшчыкаў*. Воробей, запеченный в рождественском поросенке / крестик *верябей* внутри орнаментальных фигур: *мядзьведзь з вяраб’ём*. Эта же тема – в коде зрения / света (*зоркі вядзьмедзька – вядзьмедзь з вярабейкам*). Самая архаическая сема креста – символ огня, который реконструируется и в смысле ‘огня жизни’. Этот смысл вычисляется по тексту

белорусской юрьевской песни: *Разгуляўся Юр'яў конь, разбіў камень капытом. А у камні агню нет – а у хлопцаў праўды нет; А ў гарэхе ядро ёсць – а у дзевак праўда ёсць!* В представленных текстом оппозициях вычисляются синонимы – семы: *агонь* – *ядро* – *праўда*. То, что семантически реконструируется в археологических материалах [10], может быть прослежено в формах, синтаксисе орнаментальных локальных традиций – и в терминологии орнамента, выносящей древнейшие принципы на поверхность языкового сознания.

Головные свадебные платки Неглюбки, те, что носили *малодкі*, всю небесную центральную часть своей орнаментальной композиции отдают *хрэставому*, *веряб'ям*, красным *гаряшчым* крестикам-*хрэшчыкам*, заполняющим белое поле / небо головного убора, семантически реконструируемого как небесная дорога. «Синонимами» этим крестикам выступают на других платках геометризованные бабочки-*цярэшкі*, *мухі*, при живом семантическом ощущении орнамента: *Паляцелі Ганніны мухі ў Ляда, аддала ў заклад* (по обычаю в залог нерушимости договора о свадьбе мать невесты отдавала платок в род жениха, потом этот платок давала молодой свекровь). Тема душ в образе летающих насекомых также жива в Неглюбке и соотносится с их знаками в орнаменте. Возможно, что синтаксическое тождество орнаментальных элементов подтверждает значение.

В оппозиции слепого / глухого / немого / темного // зоркого важно сопоставление орнаментального элемента креста, особенно маленького прямого равноконечного крестика-‘плюса’, – с его семантикой в иных традициях, которые участвовали в складывании орнаментальных систем региона. В целом ряде пограничных традиций юго-востока Беларуси произошло взаимодействие браного ткачества, которое представляется нам автохтонным, с пришлой техникой заклада, стилистикой килимов, связанных в том числе с казаческой и шляхетской культурой проникновения. По происхождению – это системы древнего иранского, арийского геометрического чина [11].

Крестик, а также крестик в ромбе в килимах сам по себе осознается мастерицами ковроделия как *глаз-«гёз»*, причем *глаз* оберегающий [12]. Трудно объяснить совпадение неглюбского *глаз*, *вока* с тюркским *гёз*, если не видеть здесь живых ассоциаций, сохранявшихся в древнейших орнаментальных системах браного ткачества и заклада. А также во взаимодействии семантических изоглосс в результате сплетения традиций. Оно осуществлялось прежде всего через брачные связи и передачу мастерства и обслуживающих его кодов. Так, результаты наших наблюдений над оппозицией слепого / зрячего в орнаменте могут соотноситься и с брачным кодом.

Вторая группа «зорких» орнаментальных элементов геометрического чина, в том числе и неглюбских, выделяет уже не один *глаз*, но пару *вочак* в культурно разработанных ромбах. Ромб, разделенный косым крестом, реконструируется в древних культурах как знак засеянного поля, нивы. В Неглюбке удастся восстановить оппозицию целых ромбов-*глуховак* и «нив»-*ряшотак* в комплексе знаков на рубахах, головных платках, скатертях. Мы предположили, что в брачном коде это девичьи и женские знаки по происхождению и с 1980-х гг. собираем варианты ромбов, представленные в локальных традициях региона. Часто четыре отверстия ромба-нивы оформляются неравномерно. Два горизонтальных явно выделяются как *глаза* и указываются как *вочки* самими неглюбчанами.

Наконец, у Неглюбки и ее соседей по геометрическому чину есть и третий тип «зрячих» фигур. Это горизонтальные цепи ромбов с отверстиями (либо с крестиками в отверстиях): *Калодка вочачкамі здзелалася... У мяне гарлячка была на дзесьяць вокаў*. Эти «многоочитые» цепи зовутся в целом *кывулі*, а в разновидностях и в синонимии названий соседних традиций – *валоўе вочы*, *коровськія вочы*, *вароннія вочы*, *сарочыя вочы*, *зяюліны вочы*. Изучение живости семантики этих существ в образах фольклора и обрядовой деятельности Неглюбки не оставляет сомнения в первоначально сакральном значении этих *вачэй*. Наличие оппозиции *сляпы* / *відучы*, *відзяшчы*, *зоркі*,

з вокам, з глазам, а также группа *сляпы, нямы, пусты, цёмны* попадают в мифологический контекст местных обрядов, гаданий, быличек. Так, *Той, што на мяжы живе*, с указанием конкретной местности, оказывается невидимым отцом ребенка земной неглюбчанки. У нее рождается сын *увесь у поўсці, сляпы, вочак няма, толькі ямкі, а калі плача, з іх слёзы коцяцца...* *Невідзімцы, невідзімыя багатыры, дабрахожыя* – разряд мифологических существ нашего региона. Признаки невидимости и локализация активности / хождения *на раскрэсах, дзе ў іх вяселлі бываюць, на межах, на дарогах* могут семантически дополнить нашу парадигму признаков наименований и употреблений узоров. Близко мифо-поэтическому образу восприятие орнаментального элемента *вядзьмедзь* (особый концентрический ромб с крюковатыми выступами): *Бач, і лапкі ё, і вушкі развесістыя! Вядзьмедзькі* по межам-границам орнаментальной композиции свадебного рушника, как и расположение орнамента медведя по межам-границам орнамента скатерти, головного платка, девичьей рубахи – соотносятся с мифологемой межи в данной традиции, что представляется архаичным. Признаки-наименования орнаментов *сляпы вядзьмедзь* и *кучарявы вядзьмедзь* соотносятся с мифологическими представлениями о медведе, с медвежьей символикой в неглюбской свадьбе и с эротическими шутками, когда мать жениха, в вывороченной шубе, заваливали в воротах, призывая: *Хадзіце, дзеці, медзьвядзя глядзеці!*. Среди ромбических крюковатых знаков обнаружилось *глухія вядзьмедзі (бальшы глухі вядзьмедзь, мядзьведзі глухія сущчэленыя)*.

Парадигма орнаментальных признаков и их наименований включает тему слуха / голоса: *глухі / нямы*. Могила, на которой не плакали родственники покойника, в Неглюбке называется *безгалосай* и обрядово отмеченной. Скатерти с *лапамі* и *вядзьмедзьмі*, как и головные женские платки с говорящими хтоническими названиями, расстилают на Радуницу по всем могилам родственников, не ассоциируя сегодня связи между знаками медведя и божеством Нижнего мира. Рушники, осознавая их древнее значение (*рушнікі, ета ж дарога на неба...*), вешают на могильных крестах. Однако ритуальная траектория этих действий воспроизводит геометрию обращения к предкам с неперменным участием ткани и угощения. Как и ситуацию архаичного истолкования примет в данном покусе / моменте. Так, на расстеленной скатерти на могиле матери неглюбчанки в Радуницу появилась ранняя по весне муха: *А то ж матка мая была...* Так же, как и неперменное участие скатерти и рушника, а следовательно, и текста-орнамента, во всех обрядовых действиях, описанное в экспедиционных тетрадках Ветковского музея.

Показательно сравнение рядов фигур, их названий и образов невербальных культурных кодов – в синтагматике именованных элементов, в семантическом синтаксисе рушника. Композиция орнамента представляет текст и модель культурного пространства [13], вернее, хронотоп, с тенденцией к симметричному устройению пространства–времени [14]. Актуальны пространственно-семантические параметры границы / межи / края – промежуточного / срединного / ритуального пространства – сакрального центра. В основе орнаментальных построений и порядка лежат древнейшие оппозиции. Так, тема слепого / глухого / кривого, а также образов зрения-оберега от сглаза – это тема края. *Глуховачкі, глухоўкі* – ромбы краевых полос орнамента. Им отвечают *чаўны, чаўны і вуткі* (узкие длинные ромбы в сочетании с геометризованными *вуткамі*); *кывулі, цёмныя сцезжкі* (цепи ромбов); *цёмныя капейкі* (глухие ромбы). В этих же краевых полосах орнамента размещаются крюковатые концентрические ромбы *глухія вядзьмедзі*, ромбические с выступами *жабкі, зігзагі-кывулькі*. А также перечисленные нами цепи ромбов с семами волшебного вещего зрения: *вароннія вочы* и т. п.

В прицентровых полосах активизируются темы зрячего, зоркого, светлого, вплоть до астрального и солярного кодов. Здесь чаще всего в ромбах участие прямого крестика-веряб'я, по реконструкции знака огня. В транспортном коде сдвоенные цепи ромбов

зовутся *калёсы / калесе / воз / калясачкі*. Противопоставляются прицентровые *калёсы* с крестами в сдвоенных ромбах (архетипически пиктограммы солнечной колесницы) – и краевые узкие ромбы *чаўны, чоўнакі* (транспорт нижний, от мифа до календаря и обряда). На краю, на межах стихийного / культурного пространств – *цёмныя калёсы*. В дубле названий оппозиция усиливается до «святого / тёмного»: *Богава дарога / цёмная сцежка, цёмныя пуці*.

Таким образом, анализ терминологии орнаментального фонда уникальной по сохранности локальной традиции ткачества приводит к выводу о действии в этой системе архаических невербальных культурных кодов. В роли словарных единиц, определяющих дифференцирующие признаки геометрических фигур орнамента, непременно возникают фразеологические единицы – полилексемные термины. Механизмы их образования обнажаются в образных паремиях локального характера, представляющих своеобразный герменевтический анализ. Для примера рассматривается пара стихийного / культурного в коде слепоты / зрения. Она одна из важнейших в системе семантических оппозиций, лежащих в основе древнеславянской картины мира – и в системе неглюбского орнамента. Между фразеологическим словарем такой терминологии, парадигматикой самих знаков и их синтаксисом в орнаментальной композиции обнаруживается многоуровневая семантическая связь структурного характера. Обращение к словарям, синтаксису и текстам «говорящей» традиции ткачества Неглюбки показывает единые основы образного языка – в обрядах, мифологических представлениях, фольклоре, орнаменте [15]. Они представляют богатый ресурс для восстановления достоверных подробностей ее картины мира, включая архаические слои.

Список использованных источников

1. Арнаменты Падняпроўя /аўт. тэкстаў Нечаева Г.Г. і інш.) – Мінск : Бел. навука, 2004. – 606 с.
2. Нячаева, Г. Р. Арнамент: прастора рэчы і мова традыцыі. Кашулі, галаўныя жаночыя “платкі” і абрусы / Г. Р. Нячаева // Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2004. – С. 111–139.
3. Экспедиционные материалы Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова. Неглюбка. Т. 13; 14; 85; 87; 105. Записи С. И. Леонтьевой, Г. И. Лопатина, Г. Г. Нечаевой, Л. Д. Романовой. – 1979–2003 гг.
4. Топорова, Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира / Т. В. Топорова. – М. : Радикс, 1994. – 202 с.
5. Амброз, А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») / А. К. Амброз // Советская археология. – 1965. – №3. – С. 11–22.
6. Нячаева, Г. Р. Арнаментальны знак “ромб” і яго асацыятыўныя мясцовыя назвы / Г. Р. Нячаева // VIII Навуковыя чытанні, прысвечаныя С. Некрашэвічу : зборнік навуковых артыкулаў у 2-х частках. – Ч. 2. – Гомель, 2007. – С. 229–234.
7. Толстой, Н. И. Язык и народная культура : очерки по слав. мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 509 с.
8. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
9. Урсу, Н. А. Древо жизни / Н. А. Урсу // Атеистические чтения. Вып. 20. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – С. 156–170.
10. Дробушевский А. И. Ромбы «целинные» и «засеянные». Геометрический чин знаков в археологических и этнографических памятниках / А. И. Дробушевский, Г. Г. Нечаева // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. Вып. 5. – Брянск, 2008. – С. 24–33.
11. Дробушевский, А. И. «Иранский компонент» у северян и особенности этнографических тканей междуречья Сожа – Ипути / А. И. Дробушевский, Г. Г. Нечаева // Российско–Белорусско–Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы. – Брянск, 2008. – С. 57–62.

12. Символика килимов Стамбульского музея ковров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://asian-lin.livejournal.com/13006.html>. – Дата доступа : 18.09.2021.

13. Нячаева, Г. Р. Арнаментальныя кампазіцыі канцоў ручнікоў як мадэлі культурнай прасторы / Г. Р. Нячаева // Ткацтва. Зборнік матэрыялаў па беларускаму народнаму ткацтву. – Мінск, 1999.

14. Нечаева, Г. Г. Симметрия пространства и времени в рушнике. Семантика формы рушника / Г. Г. Нечаева // Матэрыялы абласной навукова-практычнай канферэнцыі “Ручнік як увабленне традыцыйнай культуры беларусаў” (Віцебск, 29–31 кастрычніка 1996 г.). – Віцебск, 1998. – С. 20–23.

15. Нечаева, Г. Г. Тексты текстиля и мифологические мотивы / Г. Г. Нечаева // Славянская мифология и этнолингвистика : сборник научных статей / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 197–202.

Abstract. The tradition of patterned weaving of Neglyubka (southeast of Belarus) is investigated in the context of its culture. The article deals with the implementation of the semantic opposition of blindness / vision in the specific terminology of the names of ornamental elements, an essential part of which are phraseological units. In parallel coding of form / meaning, the action of ancient cultural codes of a non-verbal nature is manifested. Data represent a rich resource for reconstructing the local version of the worldview.

Keywords: Neglyubka, tradition, names of ornamental elements, phraseological units, semantic opposition “blind / seeing”, picture of the world.

УДК 811.161.1’373:398.9:087.5

Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва

ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК МЛАДШЕМУ ШКОЛЬНИКУ

Аннотация. В статье обобщается отечественный опыт лингвокультурологического описания русских паремий в словарях, адресованных младшим школьникам. Особое внимание уделяется историко-этимологическому комментированию и репрезентации современного функционирования материала. Раскрываются принципы описания паремий в проектах Экспериментальной лексикографической лаборатории ПсковГУ.

Ключевые слова: паремиология, паремиография, лингвокультурология, лингвокультурография, пословица, школьный словарь пословиц.

Русские половицы и поговорки, обладающие огромным лингвокультурологическим потенциалом, все чаще становятся объектом описания в словарях, адресованных младшему школьнику. Эти издающиеся и переиздающиеся большими тиражами словари и словарики, зачастую составленные непрофессионально, активно раскупаются родителями независимо от качества разработки материала, которое в такой ситуации никак не контролируется. Цель данной статьи – обобщить отечественный опыт лингвокультурологической репрезентации паремий в учебных словарях и представить методически и научно обоснованные и лингвокультурографические приемы их описания, реализуемые в проектах Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета.

Лингвокультурографическая репрезентация пословицы или поговорки должна, на наш взгляд, включать такие параметры, как комментирование этнокультурно маркированных компонентов оборота, лингвокультурологически ориентированное его толкование, историко-этимологический комментарий, контекстуальное иллюстрирование особенностей функционирования в современных социокультурно значимых ситуациях.